

А. С. Иванов
Спецпереселенцы-калмыки
на спецпоселении в Тобольском округе
в годы Великой Отечественной войны

Калмыцкий народ был одним из многих народов и социальных групп, репрессированных в годы сталинского режима, поэтому депортацию калмыков необходимо рассматривать в контексте репрессивной политики Советского государства 1930-х – 1940-х гг. В данной статье автор попытается исследовать проблему депортации калмыцкого народа на территорию Тобольского округа. Наиболее отчетливо изменения, произошедшие в отношении власти к принудительно перемещенным группам лиц, видны, по нашему мнению, при сопоставлении положения, сложившегося на местах расселения, спецпереселенцев-калмыков и «раскулаченных» в 1930-е гг. крестьян.

Предварительно необходимо отметить, что Тобольский округ был первоначально образован в ноябре 1923 г. в составе Уральской области и включал в себя территории современных Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, а также Тобольского, Вагайского, Уватского и Яркового районов и существовал до 7 января 1932 г. Был образован вновь в 1935 г. в составе Омской области и до своего упразднения в 1944 г. включал 5 районов: Вагайский, Дубровинский, Тобольский, Уватский, Яровский. 14 августа 1944 г. был ликвидирован, а соответствующие районы включены в состав Тюменской области¹.

Рассматривая репрессивную политику советского государства по отношению к калмыцкому народу, мы сталкиваемся с так называемыми вторичными компенсаторскими репрессиями, которые имели место также по отношению к

Иванов Александр Сергеевич, студент Сургутского государственного университета. E-mail: craft@surguttel.ru

¹ *Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.)*. Тюмень, 2003. С. 64.

«раскулаченным» крестьянам и спецпереселенцам-немцам¹. Эти принудительные миграции имели своей целью форсированное замещение трудоспособного населения на тех территориях, где в силу действия экстраординарных факторов (в данном случае войны и коллективизации) возник острейший дефицит трудовых ресурсов. Подобно данным категориям принудительно перемещенных лиц, калмыки были переселены вторично и попали на территорию Тобольского Севера не из Калмыкии, а из южных областей Омской области в результате реализации постановления Обкома ВКП(б) «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбпромышленные районы области»² от 30 апреля 1944 г.

Чтобы понять, чем отличалось это перемещение калмыков от крестьянских переселений 1930-х гг., необходимо несколько подробнее разобрать некоторые изменения, произошедшие в репрессивной политике государства в 1930-е – 1940-е гг.

В начале 1930-х гг. карательная составляющая коллективизации преобладала над колонизационной. Это объяснялось, прежде всего, тем, что шла борьба с классовым врагом, в которой не могло быть компромиссов. Неслучайно, постановление бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» появилось 5 февраля 1930 г.³, а выработка стратегии устройства и использования труда спецпереселенцев началась лишь в конце лета 1930 г. и выразилась в принятии постановления СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», где был впервые поставлен вопрос о специализации спецпереселенцев⁴. Постепенно проходил процесс превращения репрессированных крестьян в универсальную рабочую силу⁵.

¹ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западную Сибирь в 1930-е гг. М., 2003. С. 135.

² ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142–143.

³ Кондрашова Л. П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е гг. // Югра. 1994. № 2. С. 36.

⁴ Красильников С. А. Серп и Молох... С. 138.

⁵ Там же. С. 65.

Высылка крестьянских семей на территорию Тобольского округа проводилась с февраля по апрель 1930 г., когда еще не была выработана государственная стратегия использования переселенцев, которые, как отмечает Н. И. Загороднюк, направлялись именно в это время, чтобы прибыть до посевной. Иначе говоря, предполагалось использовать их преимущественно в сельском хозяйстве, но четкое использование переселенцев не регламентировалось¹.

Калмыки для Советского государства являлись не классовыми врагами, а «народом-предателем», депортированным в результате обвинений (как выяснилось позднее, надуманных) в предательстве интересов Родины. С подобными элементами компромиссов также быть не могло. Но к 1944 г. государство выработало подход к использованию спецпереселенцев: теперь калмыки направлялись целенаправленно для работы на предприятиях рыбной промышленности Тобольского округа, что предопределило их трудовое устройство. Показателен пример Уватского района, где из 271 трудоспособного калмыка в государственной ловле (далее гослове) и обработке рыбы были задействованы 95 чел., 19 калмыков использовались на строительстве по заданию окружного Госрыбтреста. При этом на добычу рыбы в рыболовецкие бригады колхозов было передано 152 чел., 112 из которых позднее были отвлечены на сельскохозяйственные работы, вероятно, в связи с отсутствием необходимой для лова рыбы теплой одежды и обуви². Предпочтение явно отдавалось развитию рыбного хозяйства, а сельхозработы были отставлены на второй план.

Преимущество было отдано рыбной промышленности, и это не случайно – шла война. Обострилась кадровая проблема на промышленных предприятиях. Ответом государства стали акты, направленные на мобилизацию трудовых ресурсов. Так, появилось совместное постановление Исполкома и Бюро Обкома ВКП(б) Омской области от 20 мая 1942 г. «Об обеспечении рабочей силой северных промыслов Омгосрыбтреста»³, которым предусматрива-

¹ Загороднюк Н. И. Опальная Югра // Родина. 2005. № 12. С. 22.

² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 4.

³ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 108. Л. 130–131.

лось не только размещение, но и трудоустройство на рыбопромышленных предприятиях Обского Севера (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов). Это постановление, не охватывающее территорию Тобольского округа, сыграло важную роль, дало местным властям важный практический опыт размещения и обустройства спецпереселенцев на северных территориях Омской области. Постановление Омского обкома ВКП(б) «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области»¹ от 30 апреля 1944 г. можно расценивать как логическое продолжение политики государства, направленной на специализацию труда спецпереселенцев, а также как показатель снижения в принудительных миграциях их репрессивной составляющей (как самоцели проведения переселенческих операций) и, напротив, усиления колонизационно-экономических факторов, т. е. повышения значения спецпереселенцев как движущей силы освоения региона, без которой (в условиях войны и дефицита рабочей силы) поддержание производственных показателей становилось трудноосуществимым.

В результате осуществления постановления «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области» в мае-июне 1944 г.² в районы Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского округов было выселено 8 597 чел.³ Исходя из доклада управляющего Тобольским госрыбтрестом Шведова, данных Тобольского горкома, а также сведений В. И. Бронникова, определенно можно говорить о пребывании на территории округа 1 136 чел.⁴ (сводных данных по округу обнаружить не удалось).

По найденным нами сведениям, на 26 ноября 1944 г. калмыки распределялись по районам следующим образом: Вагайский район – 115 чел.⁵, Тобольский – 38¹, Уватский –

¹ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142–143.

² Там же. Д. 131. Л. 51.

³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 146.

⁴ Подсчитано по данным: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62; ГАТ. Ф. 462. Оп. 3. Д. 39. Л. 110; *Бронников В. И.* История земли Уватской. Тюмень, 2000. С. 106.

⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 16.

464², Ялковский – 272 чел.³. В Тобольске, по данным на 1945 г., находилось 234 чел. только на «непригодной для жилья площади». В Дубровинском районе калмыки, вероятно, размещены не были.

Численность переселенных калмыков можно установить и другим путем, если принять во внимание то, что известна общая численность выселенных в северные округа (8 597 чел.). Количество выселенных в Ханты-Мансийский (5 999 калмыков⁴) и Ямало-Ненецкий округа (1 467 чел.⁵) также известны. Путем элементарных вычислений получаем, что численность калмыков в Тобольском округе равна 1 131 чел., что практически совпадает с указанной выше цифрой. К тому же на территорию округа, как и на другие территории области, с марта 1945 г. начали прибывать калмыки, бывшие военнослужащие Красной Армии, занятые ранее на строительстве Широковской ГЭС в Пермской области (всего, по данным А. Б. Сулова, через Широковский ИТЛ прошел 3 241 калмык⁶), которые по возвращении подвергались учету лишь в индивидуальном порядке. Так, в частности, прибыл на территорию Уватского района И. С. Джорджинов: «Приехал я в Тюмень и обратился в областную комендатуру. Мне сообщили, что мои родственники проживали в Уваровском районе Тюменской области. В комендатуре по моей просьбе выдали мне хлебную карточку, а выкупить хлеб не на что было... Домой я поехал в лагерной форме, потому что военная износилась. Вместо нее выдали бушлат, брюки и др. – все белого цвета, точнее грязного. В таком виде мне неудобно было отправляться в путь. И я у одного шахтера попросил одежду обычную, гражданскую. В общем, я приехал не как солдат, а как рабо-

¹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 13.

² *Бронников В. И.* История земли Уватской. С. 106.

³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 94.

⁵ *Галишиников В. Н., Пиманов А. С.* Этническая ссылка в Ямало-Ненецком национальном округе (1941–1964 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 145.

⁶ *Сулов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 197.

тяга. Приехал, стал на учет в спецкомендатуре и с этого времени жил и работал под ее руководством. А работал я в колхозе “Новая жизнь”, который находился в поселке Черпия Уваровского (Уватского – *А. И.*) района»¹. Возможно, именно прибытием бывших красноармейцев и объясняется некоторая разница в цифровых данных, хотя необходимо отметить, что подсчеты производились по разновременным статистическим сведениям.

На территории округа они были заняты преимущественно на гослове, лесозаготовках и сельхозработах, часть была привлечена к строительству и обработке рыбы². Так, в Уватском районе на Буренском рыбоучастке было занято 18 семей (51 чел.), на Демьянском – 50 семей (183 чел.), Нижне-Романовском – 22 семьи (49 чел.). Десятки семей были распределены на Ялбинский лесозавод, в колхозы им. Доронина, им. 1-го Мая³. Калмыков расселили по баракам, как и в других округах, исходя из нормы 3 кв. м на 1 чел. Они использовались в качестве рабочей силы на рыбалке и при обработке рыбы. Часть калмыков отправили по колхозам, но не везде их могли обеспечить работой. В колхозе им. Доронина, где было 5 семей спецпереселенцев, люди не работали нигде, продуктами питания не снабжались, в результате 5 чел. из 17 вспухли от голода. Такое же положение было в деревне Луговая Суббота, где спецпереселенцы калмыки были расселены за рекой Кривая и там были брошены на произвол судьбы – из 29 чел. на рыбалке работал только один. В деревне Рачево (колхоз «1-го Мая») 21 чел. был расселен в 2-х квартирах, что создавало тяжелые жилищно-бытовые условия. С 1 июля 1944 г. калмыки, размещенные в этом колхозе, нигде не работали, а если отдельные выходили на работу, то дневное задание выполняли на 10–15 % в силу того, что продуктами питания не снабжались. Чтобы не умереть с голоду, отчаявшиеся люди были вынуждены заниматься хищениями с огородов мест-

¹ *Джоджинов И. С.* Правда жизни // Широкой: Широкая. Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Элиста, 1994. С. 55.

² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 4, 6, 8.

³ *Прибыльский Ю. П.* Во имя жизни. Тюмень, 2002. С. 115.

ного населения. Периодически повторялась ситуация времен коллективизации, когда «кулаки» по несколько месяцев вынуждены были есть древесную кору, опилки и мох ¹.

Труд спецпереселенцев-калмыков применялся в местной и лесной промышленности Уватского района. Часть переселенцев использовались не по своей специальности из-за неправильного распределения. Так, зоотехник из колхоза Быковка работал сначала бригадиром ², а потом разнорабочим. Артист Исенов работал начальником ПСО в деревне Дальнее поле, в деревне Малысак простым рабочим состоял Эрдни Сонджиев, который до этого 15 лет проработал в институте. И в целом размещение и организация труда прибывших переселенцев были признаны неудовлетворительными. Распределение калмыков по предприятиям и колхозам создало перенасыщенность рабочими кадрами на отдельных предприятиях, участках и тонях, что и стало, по мнению начальника Главсибрыбпрома Котельникова, причиной того, что «большинство переселенцев (около 70 %) до сего времени не выполняют нормы выработки даже на работах, не требующих особой квалификации» ³.

Прибывшие переселенцы столкнулись сразу же с целым комплексом проблем. Первая – это необеспеченность и неподготовленность предоставленного спецпереселенцам жилья. Так, в Тобольске спецпереселенцы-калмыки размещались скученно в недооборудованных квартирах, а по улице Красной № 6 и улице Сталина № 13 были размещены в непригодных для жилья помещениях. Предоставленные калмыкам площади в общежитиях находились в антисанитарном состоянии, воду и дрова подвозили нерегулярно ⁴. Для при-

¹ Кондрашова Л. П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. С. 39.

² Бронников В. И. История земли Уватской. С. 106

³ Из приказа начальника Главсибрыбпрома о жилищно-бытовом и трудовом устройстве рабочих и рыбаков-колхозников Тобольского госрыбтреста (2 октября 1945 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Сб. док. и материалов. Элиста, 1993. Т. 1, кн. 1. С. 196.

⁴ Из постановления бюро Тобольского горкома ВКП(б) о хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве семей спецпересе-

бывших в Уватский район калмыков должны были предоставить жилье по норме в 3 кв. м. Однако в ходе проверки по жилищному устройству спецпереселенцев-калмыков выяснилось, что вместо положенных 3 кв. м на чел. в Уватском рыбучастке приходилось 2–3 кв. м (35 чел. проживали в бараке площадью 80 кв. м). На Буренском рыбучастке в бараке и доме разместили 20 семей (153 чел.), где приходилось всего 2 кв. м на чел. 13 сентября 1944 г. комиссия обследовала жилищные условия 11 семей (35 чел.) и предложила расселить их в близлежащих к с. Уват деревнях: Дальнее поле, Лысаково и Родина. Дома, в которые предполагалось заселение, нуждались в ремонте, так как в них никто уже не жил. 18 сентября 1944 г. комиссия проверила жилищные условия калмыков в Буренском рыбучастке и в колхозе «Северный» Буренского сельского совета и пришла к выводу, что люди здесь расселены в примитивных домах и бараках, малопригодных к жизни в зимних условиях. Было предложено провести расселение спецпереселенцев, определены дома, в которых нужно было сложить печи, застеклить рамы и т. д. Такое положение напоминало ситуацию, сложившуюся за 10–12 лет до этого с «раскулаченными» крестьянами, которым по норме полагалось от 2–3 до 3–5 кв. м¹, что не всегда выполнялось, порой люди жили на площади в 1,1 кв. м². При этом бытовые условия были отвратительны. На Максимовском рыбучастке Уватского района были отмечены серьезные недостатки. Отпущенная на строительство жилых домов ссуда (в 1944 г. – 62 тыс. руб., в 1945 г. – 32 тыс. руб.) рыбозаводом и колхозами не была использована³. Но при всем несовершенстве данного вида финансирования спецпереселенцев необходимо отметить, что это был значительный шаг вперед, по сравнению с ситуацией, наблюдавшейся в начале 1930-х гг., когда крестьянам в северных районах Тобольского округа иногда приходилось выку-

ленцев-калмыков // Тюменцы – фронту. Сб. документов. Издание второе дополнение. Тюмень, 2005. С. 289.

¹ Кондрашова Л. П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. С. 39.

² Загороднюк Н. И. Опальная Югра. С. 24.

³ Бронников В. И. История земли Уватской. С. 107.

пать в рассрочку выделяемые им помещения или вносить за них квартплату¹.

Калмыкам также оказывалась государственная помощь в виде выдачи скота в счет принятого от них при выселении, причем четко регламентировались очередность выдачи, объем и количество скота, подлежащего передаче спецпереселенцам². Решения о выдаче скота Омский Областной Совет депутатов принимал дважды. Первый раз – 22 июня 1944 г.³, второй – 21 августа того же года (о дополнительной выдаче)⁴. Скот предполагалось выдавать в трех районах округа: Тобольском, Уватском, Янковском. Но и столь активное попечительство властей, как оказалось, не гарантировало получения положенной помощи. Управляющий Омской облконторой «Заготскот» Леутенко отмечал, обращаясь к начальнику окружного отделения конторы, что «некоторые районы к выполнению этого задания относятся без надлежащего внимания – пустили столь важный вопрос на самотек»⁵. В Уватском районе предполагалось выдать в общей сложности 177 голов скота, но полностью это осуществить не удалось⁶. При этом в Тобольске было выдано 80 голов скота⁷, о чем ссыльные крестьяне в свое время не могли и мечтать.

Но не все было так однозначно, в частности, в Янковском районе, как отмечалось в докладе, «жилищные условия были созданы нормальные», квартиры, предоставленные калмыкам, отремонтированы⁸. Хотя понятие «нормальные условия», как можно видеть на примере Ханты-Мансийского округа, весьма условно, так как не всегда соответствовало официальной норме жилплощади на спецпереселенцев (3 кв. м). Лишнее свидетельство тому – рассказ жителя Янковского района Василия

¹ Кондрашова Л. П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. С. 37.

² ГАТ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1229. Л. 43.

³ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 41.

⁴ ГАТ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1229. Л. 41.

⁵ Там же. Л. 44

⁶ Бронников В. И. История земли Уватской. С. 107.

⁷ Из приказа начальника Главсибрыбпрома... С. 196.

⁸ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 8.

Андреевича Самойлова о жилищных условиях и занятиях калмыцкого населения около озера Варым. Он писал следующее: «Люди вырыли землянки и стали обживать эти ранее безлюдные места. На ближних озерах Варым, Индрей, Тымкуль ловили рыбу, ткали рогожу, гнали смолу и деготь, корчевали лес для посадки картофеля и овощей»¹.

Калмыки были завезены в Тобольский округ (как и в северные округа) для работы в рыбной промышленности, но очень часто вовлечение переселенцев в рыболовецкий промысел тормозилось (как это было в Вагайском, Тобольском и Уватском районах) отсутствием теплой одежды и обуви, а также отсутствием нормальных бытовых условий. В Тобольском районе причиной задержки так же стал наложенный эпидемиологами карантин. Создание нормальных бытовых условий было осложнено, среди прочего, отсутствием стройматериалов. В Вагайском районе размещение и обустройство калмыков тормозилось отсутствием оконного стекла². Очень часто спецпереселенцы строили жилье для себя сами, в районах округа, как правило, определенная часть калмыков была занята на строительстве (так в Уватском районе 19 чел. занимались только строительными работами)³, причем из-за недостатка мужчин основную рабочую силу Тобольского госрыбтреста составляли женщины-калмычки, «весьма трудно поддающиеся обучению производственным профессиям»⁴. Низкой квалификацией калмыков местные руководители объясняли их невысокий заработок (в среднем 112 руб. в месяц), поэтому средний прожиточный минимум «находился на низком уровне»⁵. И это неудивительно, так как в 1943 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве Омской области составляла 190 руб., не говоря уже о промышленности, где заработок равнялся 267 руб.⁶

¹ Цит. по: *Прибыльский Ю. П.* Во имя жизни. С. 116.

² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 16 об.

³ Там же. Л. 4, 6, 13.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 233. Л. 45.

⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 229. Л. 40.

⁶ *Омская область в годы Великой Отечественной войны.* Омск, 2005. С. 60.

Понятно, что подобное положение, прежде всего, приводило к малой бытовой обеспеченности калмыков (60 % калмыков, занятых на предприятиях Рыбтреста, не имели в достаточном количестве постельных принадлежностей, сменного белья, верхней одежды и обуви).

Но вина за подобное тяжелое состояние падала не только на «труднообучаемых» калмыков, но и на местные власти. Они смогли организовать лишь «ограниченное снабжение» промтоварами (120 талонов на год) по карточкам, что, как отмечалось в документе, «не обеспечивает его (контингента. – А. И.) минимальной потребности»¹. А специальные фонды промтоваров, выделявшиеся для калмыков-переселенцев, продавались с нарушением установленного порядка (с зачетом промтоварных карточек), что лишило в дальнейшем калмыков-переселенцев возможности приобретать промтовары из нормальных фондов кооперации из-за отсутствия промтоварных единиц.

Даже в городе Тобольске, где калмыкам было выдано 80 голов скота, по причине необеспеченности кормами в октябре 1945 г. было прирезано или продано 18 голов. Тобольский Госрыбтрест при этом не оказывал калмыкам-переселенцам и рабочим треста, получившим скот в индивидуальное пользование, никакой помощи в заготовке кормов и содержании его². Трест обязался выдать 1 300 шт. оленьих шкур для пошива одежды спецпереселенцам-калмыкам, но обязательства не выполнил. В итоге калмыки в целом по округу «ходили раздетыми»³.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда директора предприятий, ранее «кричавшие» о недостатке рабочей силы, отказывались принимать калмыков на работу, в результате калмыки оказались фактически обречены на вымирание, так как без работы они не получали продовольственных карточек.

Это были формы экономического давления на спецпереселенцев, известные еще с 1930-х гг., когда оговаривалась необходимость отделения работающих на предприятиях спецпереселенцев от остального персонала, а местные руко-

¹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 229. Л. 40.

² Из приказа начальника Главсибрыбпрома.... С. 196.

³ ГАТ. Ф. 462. Оп. 3. Д. 39. Л. 110.

водители позволяли себе открыто заявлять о необходимости экономического давления на «кулаков»¹, притом что крестьяне-иждивенцы выкупали положенный им продуктовый паек². Теперь же все это приняло несколько более завуалированные формы, так как государству понадобились рабочие руки и обращаться с «предателями» нужно было более осторожно. Не удивительно, что, говоря о противодействии государства хищениям и злоупотреблениям отдельных лиц, ответственных за снабжение и обустройство спецпереселенцев, мы встречаемся не только с обычными для таких случаев предупреждениями партийных органов о персональной ответственности руководителей за выполнение правительственного постановления, но и с действительным привлечением к ответственности. Так, например, директор Уватского рыбозавода Дроздов за раздачу без карточек и нарядов 140 кг пшеницы, 357 кг рыбы и разбазаривание других ценностей (в том числе из фондов, предназначенных для спецпереселенцев) был в конце 1945 г. снят с должности и «привлечен к государственной ответственности»³. При этом сообщения о самоснабжении других руководящих работников рыбной промышленности Уватского района не подтвердились⁴.

Государственная политика в отношении трудоустройства репрессированного населения претерпела в 1930-е – 1940-е гг. значительные изменения, по нашему мнению, связанные прежде всего с переменной взгляда партии и государства на цели репрессивной политики. Если в начале 1930-х гг. принудительное переселение крестьян воспринималось прежде всего как средство борьбы с классовым врагом, то в 1940-х гг. мысль использовать «народы-предатели» на благо народного хозяйства окончательно возобладала, отодвинув карательную составляющую в планах государства на второй план, но лишь отчасти смягчила ее действие на жизнь спецпереселенцев.

¹ Кондрашова Л. П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе (продолжение) // Югра. 1994. № 4. С. 41.

² Она же. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе // Югра. 1994. № 2. С. 39.

³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 231. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 126.

Видимым проявлением отмеченных изменений стало появление значительного количества документов, регламентирующих трудоустройство и специализацию спецпереселенцев. Государство более активно (по сравнению с 1930-ми гг.) проявляет заботу о депортированном населении, прежде всего это выражается в выдаче скота спецпереселенцам-калмыкам¹, предоставлении кредитов на строительство жилья². Спецпереселенцы были формально уравниены не только с рабочими на производстве, но и с другими гражданами СССР (за исключением права свободного перемещения) постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев»³.

Но превращение в «полноправных» граждан не принесло столь ожидаемого улучшения социально-бытовых условий. В итоге на завершающем этапе Великой Отечественной войны спецпереселенцы оказались в исключительно тяжелых социально-бытовых условиях, и произошло это не столько по вине самих «низкоквалифицированных» переселенцев, сколько по недосмотру местных властей. Это признал в своем приказе от 2 октября 1945 г. начальник Главсибрыбпрома, отмечая среди прочего, что переселенцы «особенно неблагополучно размещены в Байкаловском рыбозаводе, леспромхозе Яркового района и в самом Тобольске»⁴.

¹ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 41

² Там же. Л. 39.

³ *Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» // 40-е – 50-е гг.: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 125–126.*

⁴ *Из приказа начальника Главсибрыбпрома... С. 195.*